



# ЮЛИЯ СКОРОДУМОВА

1997 №19

\* \* \*  
"Я мастер по ремонту холодильников..."

"По улице ходила большая крокодила,

она, она зеленая..."

"Катится, катится голубой..."

Тоска следит за мной в оба точечных, эrogenных, эзотерических глаза Гены - денди по прозвищу крокодил. Ежели горы рождают мышей, то этого породил город с мышиною вознею на уровне геном. Это его зеленые улицы, это его вегетососуды с оспой колодцев, лоциями конца. Где, теплотрассами вод погребальных, рептилии с тиною повенчаны. Где сын никогда не узнает отца, разметавшего кости в вечности стоической мерзлоты. То, что теперь представляешь ты, со всеми своими серийными перлами - мало того, что обратно гиперболе, но даже как метафора никуда не годится. Однако стоит напиться, в лице появляется что-то такое зеленое, как крокодил по весне... Так елочка зубьями пил бросает вызов сосне. Так узы крови роднят ланцет с Ланцелотом. Или, бывало, взойдешь на болото - вот ОН! Вознесешься в певчую крону - вон ОН! Смажешь зеленой ссадины на коленках - Боже, опять крокодиловы зенки! Зачнешь операции с долларовыми банкнотами - вот ОНИ! Влюбишься в очи чьи-то зеленые - вон ОНИ с другом-ушанкой, тряся хлорофильными клетками, голубеют вдали вагонетками. Там, в дали голубинога Нила, где истекающий зноем рот вечно в зените, крокодилы тоже бывают хорошими. Они не питаются ни солнышками, ни калошами - скорее, наоборот. Там, в вечнозеленом детстве некошеном, пришлые южные человеки Чебурашку пустили на чебуреки. А Гена загнулся от гнева, бросаясь в лицо прохожим перчатками из собственной кожи. И на утро зеленого змия, когда набухшие почки пронзают солнечный луч наподобье ножа, росы стерилизуют крокодиловыми слезами шрамы растительной жизни. И заживает душа.

## НАРЦИСС

Плод бесплодных молитв, возносисмых творцу себя, я люблю тебя, Я, как сорок тысяч братьев не властны. Мое ребро не болит, не хнычет, не требует ласки. Я отрываюсь от почвы плоских селений и плотских семян, ликом ныряя в блик.

я люблю тебя, Я! Форму твою и суть. Зрю в тебя, как пророк в отечество, как в "Алазань" лоза. О, как блестяще зарифмованы эти глаза, какую цезуру являет нос, какие краски несут эти ланиты, как губы точны и сжаты в роли финальной черты, как поражает легкость стопы, рассекающей стихосложные тропы, словно морскую волну рононосец Европы.

Пожизненно заключенная в до ужаса внешний фон, вся эта стройность, отточенность форм, как спелая роза, мгновенна, когда ветра ее вдоль по венам

моим продираются, словно я телефон, словно я телеграф, проводник меж творцом и его бессмертной славой. Словно я - ничего...

Я умалюсь, молясь о его деснице, занесенной подобно блесне над моей десной. Я умиляюсь ничтожности смерти, несовместимой со мной, ибо являет уже не с минусом единицу, но с минусом ноль.

Это сознание греет, как на сердце змея. Моей природе не снесть пустоты (это когда не Я). Я на коленях пред вечный покой непроточных вод, не порочащих лик мой в отличие от вод несущих волненья по воле волн, морщины, ожившие от ветренности...

О, творец мой, склеп наш насущный даждь нам снесть. Сей прозрачный призрачный водоем не введи во иссушение, где мы с тобой вдвоем визави созерцаем один и тот же филигранный фасад, что по образцу образца. И поэтому даждь вымолвить пред тобою: "Боже, как молод сад! Как глубоко отраженье! Как страшен дождь!.."

\* \* \*

"Дверь скрипит. На пороге стоит треска".

И.Бродский.

Рыба приходит в полночь. Говорит "цыц", знаменуя канун золотого века. Исполнены млечности, смертного цвета сосцы с пелен затыкают пасть человека. Маячит над колыбелью золотая блесна небытия, так близко - подать рукой... Мир подводный и мир небесный - та же голубизна. Если вы гомо, разницы никакой. Если вы рыба, для вас составляют вето нюансы не цвета, но света. Море света того командует рыбе "вира". Бьется сетчатка в сети оборотного мира. Рыба падает вверх радужным брюхом, теряя ориентиры, руль и ветрила, в объятья того, кто вверг ее в пучины молчанья. Силясь к нему войти, рот разевает, захлебывается, тонет, в воздухе, дабы ее 90% воды освежили его обветренные ладони. Это твой потолок, саван, засим - ледяное ложе, где ты бьешься, не в силах проникнуть в лунок его пазы. Ибо в каждой рыбе заложена память о смерти - воздушный пузырь. Век на исходе. Рыба падает вверх, где мечет икру дождей плотоядный Четверг, где рыбьим зонам Пятница только снится, где замки на устах как дань Золотой орде... Плесни, Водолей, не живой, так мертвой водицы, продли ее рыбный день.

\* \* \*

Первый мой домовый воровал пустышки и соски. Он маленький был, неброский. Плохо владел головой, в смысле - держал непрямо. Порой, заходясь в протесте, употреблял слово "мама" в весьма неожиданном для меня контексте.

Следующий рос на кухонном окне, шире на мир смотрел он. Звался луком пыреем, слыл панибратом Амура. Метал в потолок ядовитые стрелы, отравляя все мои шуры-муры слезоточьем. Язвил языки моим близким, подбрасывая в ящик любовные записки.